

С.В. Белоусов

РИСУНКИ ВОЕННОПЛЕННЫХ АРМИИ НАПОЛЕОНА КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ПЕНЗЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ НАЧАЛА XIX в.

Важным фактором провинциальной жизни в эпоху Отечественной войны 1812 года стало размещение на жительство в различных губерниях Российской империи военнопленных армии Наполеона. Одним из центров их пребывания в Поволжье была и Пензенская губерния¹. Первые партии военнопленных появились на ее территории уже в сентябре 1812 г.² Они следовали транзитом по трактам из Нижнего Новгорода в Саратовскую губернию и из Тамбова в Вятскую губернию, которые были определены для размещения военнопленных на основании циркулярного предписания из Особой канцелярии министра полиции от 29 августа 1812 г.³ С июня 1813 по январь 1814 г. в Пензенскую губернию уже «для жительства» прибыли шесть партий пленных, которые насчитывали в общей сложности 648 человек. Среди прибывших было 14 штаб-, 169 обер-офицеров и приравненных к ним военных чиновников, 451 нижний чин. Кроме того, с пленными находились 12 женщин (солдатские жены) и два ребенка (солдатские дети). Военнопленные размещались не только в Пензе, но и в уездных городах Городище, Керенске, Краснослободске, Мокшане, Саранске и Чембаре⁴.

Три военнопленных немецких офицера бывшей Великой армии (обер-лейтенанты вюртембергской службы Х.-Л. Йелин и Ф.Ю. Зоден и баварский обер-лейтенант Ф. фон Фуртенбах) после своего возвращения на родину оставили воспоминания, в которых подробно описали свое пребывание в плену. Их мемуары являются ценнейшим источником по истории Пензенской губернии первой четверти XIX в. Они позволяют не только определить особенности пребывания и содержания военнопленных армии Наполеона, но и рассмотреть их взаимоотношения с различными категориями провинциального населения, а также раскрыть многие

аспекты социально-экономического, политического и культурного развития региона, охарактеризовать обычаи и нравы местных жителей⁵.

Кроме того, некоторые офицеры-мемуаристы армии Наполеона упоминали о своем пребывании на территории Пензенской губернии. Среди них следует отметить С.Б. Пешке, П. Ноказа, К.Х.Л. Шенка фон Винтерштедта, К.-А. Веделя, Ф. Баджи, А. Флека, Ш.Ф. Мино, Ф. Пизани⁶. Следует оговориться, что список мемуаристов, приведенный нами, не исчерпывает всех лиц, побывавших в Пензенской губернии⁷. Известно, например, что осенью 1813 г. в Пензе находился обер-лейтенант баварского 4-го линейного полка Йохан Батист Нагель (1785–1861), записки которого, очевидно, хранятся в архиве Регенсбурга и для нас пока остающиеся недоступными.

Мемуарные источники позволяют взглянуть на исторические реалии и охарактеризовать многие аспекты пребывания солдат и офицеров наполеоновской армии в российском плену глазами самих военнопленных. Воспоминания гораздо точнее и эмоциональнее передают дух повседневности, чем сухой, казенный язык циркулярных предписаний и официальной переписки чиновников, т.е. тех документов, которые отложились в фондах центральных и местных архивов. Однако мемуарный источник имеет и существенные недостатки. Он отражает субъективную точку зрения автора на происходившие события. Кроме того, мемуары создавались спустя какое-то время и прошлое оценивалось через призму прожитых лет, что не всегда позволяло точно передать ситуацию.

Примечательно, что два военнопленных офицера армии Наполеона (Х.-Л. Йелин и Ф. Пизани) оставили свои зарисовки, выполненные в том числе и во время их пребывания в Пензенской губернии.

Несколько слов об авторах рисунков. Христоф Людвиг фон Йелин (Louis Yelin) (26.02.1787 – 5.10.1861) в 1812 г. служил обер-лейтенантом вюртембергского 2-го герцога Вильгельма линейного полка 25-й пехотной дивизии 3-го армейского корпуса маршала М. Нея, в составе которого принял участие в походе Наполеона против России. В ходе Бородинского сражения в составе 3-го сводного батальона он участвовал во взятии южной Семеновской флеши. 28 ноября (10 декабря) 1812 г. Йелин был пленен в госпитале в Вильно, а 7 (19) апреля 1813 г. отправлен с транспортом военнопленных вглубь России. В июне 1813 г. в Пензенской губернии Йелин был размещен на жительство в Саранске, где и находился с 18 июля по 20 декабря 1813 г. После получения предписания о своем освобождении он покинул этот уездный город и 27 декабря прибыл в Пензу, откуда вскоре, 8 (20) января 1814 г., в составе большого транспорта военнопленных отправился на родину.

Существуют два произведения Х.-Л. Йелина – дневник и мемуары. Та часть дневника, в которой описано отступление Великой армии из России и пребывание автора в плену, была опубликована в Мюнхене в 1910 г.⁸ Именно она была переведена на русский язык и издана в 1912 г. под названием «Записки офицера армии Наполеона»⁹. В дневнике пребыванию Йелина в Пензенской губернии посвящены 11 страниц. Вместе с тем еще в 1817 г. в Штутгарте были опубликованы анонимные воспоминания «Достопамятные дни моей жизни. Поход и плен в России. Из дневника немецкого офицера»¹⁰, сравнение текста которых с дневником Йелина позволяет сделать однозначный вывод о его авторстве и этого произведения. Анонимные воспоминания, изданные в 1817 г., почти полностью включают в себя текст дневника Йелина, опубликованного в 1910 г. Правда, в них отсутствуют фамилии офицеров, вместе с которыми Йелин находился в плену и которые указаны в его дневнике. Зато текст воспоминаний 1817 г. более пространственный. В частности, пребыванию в Пензенской губернии посвящены уже не 11, как в дневнике, а 34 страницы. Такое увеличение объема произошло в основном за счет подробного описания обычаев и нравов различных народов, населявших Пензенскую губернию, а также особенностей проживания немецких военнопленных в плену. В 2009 г. был опубликован перевод той части воспоминаний Йелина, которая посвящена его пребыванию в плену на территории Пензенской губернии¹¹. Анонимные воспоминания 1817 г. содержат авторские зарисовки. Конечно, можно поспорить о художественной ценности этих рисунков, выполненных непрофессиональным художником. Однако они представляют для нас несомненный краеведческий интерес. Заслуживают внимания его зарисовки женщин, принадлежавших к различным этническим группам (русским, мордве, татарам, башкирам, калмыкам, цыганам), которые были сделаны в базарные дни в селах Студенка, Поим, Мочалейка, Каменка, а также в Саранске.

«Здесь (в с. Студенка. – С.Б.), – писал Х.-Л. Йелин, – я не мог отказать себе в удовольствии зарисовать моих хозяев, так как хозяйка выглядела весьма забавно. Она была беременна и укрепила свою юбку кругом под животом. Когда мы захотели узнать причину столь странного ношения и обратили на это ее внимание, она ответила нам, поддерживая живот: таким образом он не напрягается, а ей и ее ребенку сдавливание не может принести вред. Женщина, конечно, имела такое право, но наши женщины, пожалуй, никогда бы не смогли на это решиться»¹².

«Утром 25 июня [1813] мы проходили через торговое местечко Поим (Bahim), где была ярмарка, – отмечал далее Х.-Л. Йелин. – Как я заметил, здесь велась обширная торговля иконами и стеклянным жемчугом

(Glasperlen). Кроме того, все улицы были заставлены крестьянскими повозками, на которых лежали одни только овощи и фрукты, выращенные в этой местности. Бесчисленное множество людей – русские, татары, башкиры, калмыки, цыгане – в своих национальных нарядах вперемешку сновали в разношерстной толпе»¹³. «На ярмарке (в Саранске. – С.Б.) мне вновь бросились в глаза различные женские национальные наряды, которые мне еще были незнакомы. Я добавил их к своим рисункам»¹⁴. Вообще, военнопленные офицеры четко различают по одежде представителей татарского и мордовского населения: «26 июня мы прибыли в Мочалеюку (Mutscheleskh), – писал Х.-Л. Йелин, – татарскую деревню, каких очень много в Пензенской губернии... Татары имеют магометанскую религию и совершенно отличаются от русских обликом, языком, одеждой и чистоплотностью... Мужчины носят почти то же, что и русские. Лишь свои волосы они все остригают и носят на голове кожаную шапочку. Женщины одеты в длинные платья, которые подвязывают в середине бантом. Голову они заматывают белым платком, который складками свисает вниз так, что не видно лица. Девушки заплетают свои волосы в косы, причем снизу для красоты подвешивают несколько серебряных монет. На голове у них белая косынка. В ушах, как и на шее, большие подвески из стеклянных бус, которые располагаются так, что сверху находятся маленькие, под ними – побольше, а внизу бусины достигают величины большого ореха. На одной из девушек, представленных на рисунке, одета обычная рубашка, отороченная красной каймой, а на рукавах расшита тюрокской нитью, как и у русских, цветами. Другая шла на рынок. На ней было платье из ситца, сверху которого одета безрукавка из темно-синего полотна, украшенная ненастоящими, позолоченными нитями. На шее было несколько треугольных, а ниже один, но большего размера, четырехугольный закрытый и зашитый мешочек из кожи, что, вероятно, являлось их религиозным обычаем. Сгибы рук украшались двумя серебряными кольцами в палец шириной, на которых помещались различные знаки и тюрокские буквы. Они не ходят босиком, разве что только в их молитвенном доме (Bethaus)»¹⁵. «Женская одежда мордочек состояла из белой длинной рубашки, которая украшалась каймой из красного полотна. Тело обвивал красный шерстяной пояс, на котором слева или справа висел кожаный мешочек для сбережения денег и т.п. Вокруг шеи для украшения висели пуговицы из желтой бронзы всяких разновидностей и латунные жетоны. Точно такие же влетались в косы, равным образом были и в серьгах вместе с круглыми полотняными паке-тиками. Множество этих латунных пуговиц и жетонов вызывало при ходьбе постоянное позвякивание так, что его можно было услышать издалека.

Ноги у них были закутаны и обмотаны веревками или кожаными ремнями от самых сандалий, которые были сплетены из лыка»¹⁶.

Интересна зарисовка Х.-Л. Йелина русских рекрутов около сельского кабака и соответствующее описание этого рисунка. «Как раз в это время в деревню прибыли русские рекруты. На них была серая одежда, на марше они надевали рубашку навыпуск на штаны, как это показано на рисунке. Эти люди собирались ежегодно и во время марша находились на попечении отдатчиков, пока не присоединятся к армии. Дворянин брал рекрут из своих крепостных в возрасте от 17 до 40 лет по числу имевшихся у него крестьянских душ, которые составляли главное его богатство. Естественно, из числа тех, кого он не мог должным образом употребить для работы на себя. Обычно рекруты выглядели плохо и были истощены, потому что дворяне давали им плохое пропитание. Попадались среди них такие, которые воровали у своих товарищей вещи из ранцев, курительные трубки и т.п. Некоторые из нашего транспорта и многие рекруты собрались у кабака, который есть в каждом селении. Он обычно находится в небольшом домике. В нем продавались водка и вино, что являлось государственной монополией. На кабаках имелись вывески, на которых изображался двуглавый орел и помещалась надпись „Императорский кабак“ (Kaiserliche Kabak). Рекруты из любопытства захотели узнать, как выглядели дальние страны и Париж, куда они намеривались идти. Мы им в шутку отвечали. Один рекрут вытянул из кармана 50-рублевую ассигнацию и чрезвычайно хвастался ею. Один из нас сказал ему тотчас, что русские ассигнации в Париже ничего не стоят, а имеют значение только серебряные деньги. Не долго думая, рекрут пошел к владельцу заведения и разменял 50-ти рублевую банкноту на серебро, чтобы не нести бумажные деньги в Париж, нисколько не задумываясь над тем, что он еще находится, по крайней мере, в тысяче часов от Парижа»¹⁷.

Ну и наконец заслуживает внимания описание Х.-Л. Йелином билльярда в Пензе. «Мы посетили и здешний билльярд, который мне с товарищами показался настолько диковинным, что я сделал рисунок. Из-за свечного смрада комната вся была покрыта копотью. На стенах вокруг билльярдного стола висело несколько плохо вычищенных подсвечников. Билльярд был покрыт синим сукном и имел множество дыр, которые прикрывались зелеными заплатами, пришитыми белыми нитками. Было очень душно, игроки разгорячены. Когда они не могли от пота нанести удар кием, то терли руками о стену. Мы довольно внимательно следили за ними. Однако играли они, хотя и усердно, но скверно. Маркер – маленькое безобразное существо, едва мог из-за своего роста смотреть на билльярд. Игравшая компания

позволяла различные шутки в его сторону. Понаблюдав за игрой некоторое время, мы отправились прочь, и долго затем смеялись над увиденным»¹⁸.

Другой мемуарист, оставивший зарисовки тех мест, через которые он проходил, итальянский офицер Филиппо Пизани. О нем известно немного. Он родился 11 февраля 1788 г. в старинной знатной венецианской семье в г. Феррара на севере Италии. Добровольцем поступил в армию и принял участие в русской кампании Наполеона 1812 г. В звании лейтенанта артиллерии Ф. Пизани служил в 1-й артиллерийской роте 4-го армейского корпуса под командованием Э. Богарне. От Немана к Москве он следовал вслед за Великой армией и участия в боевых действиях не принимал. 8 сентября 1812 г., т.е. на другой день после Бородинского сражения, рота, в которой он служил, только вышла из Смоленска. 28 сентября Пизани увидел Москву с Поклонной горы, о чем с восхищением писал в своих воспоминаниях. Вместе с армией Наполеона он пережил все тяготы отступления и позднее подробно рассказал об этом в своих мемуарах. 25 ноября 1812 г. Пизани был захвачен в плен казаками Платова недалеко от Яблонки. Весной 1813 г. в составе партии военнопленных Пизани был направлен вглубь России. Местом пребывания этой партии была избрана Симбирская губерния. Осенью 1813 г., направляясь в Симбирск, она проследовала по дороге Моршанск – Нижний Ломов – Инсар – Саранск. 23 сентября, по прибытии в Симбирскую губернию, Пизани был направлен в уездный город Сенгилей, где и находился до лета 1814 г.

Циркулярным предписанием главнокомандующего в С.-Петербурге С.К. Вязмитинова от 13 мая 1814 г. предусматривалось, чтобы «все без изъятия пленные в России находящиеся, каких бы они наций не были, отпущены были в Отечество». Согласно этому предписанию, пленных итальянцев предполагалось направлять в Радзивилов. 18 июня 1814 г. партия военнопленных итальянцев, в которой находился и Пизани, из Симбирска через Саранск, Пензу, Тамбов, Орел, Курск и Киев была отправлена до Радзивилова и далее на Родину.

Филиппо Пизани умер 13 июля 1883 г. в Сан Мартино (округ Феррары)¹⁹.

Несомненный интерес для краеведов представляют рисунки Пизани с видами Пензы и Саранска, выполненные им с натуры, без всякого сомнения, летом 1814 г. при его возвращении на родину. Зарисовки были сделаны в его походном дневнике и сопровождались описанием обоих городов.

Рисунок Саранска²⁰ представляет собой вид на город от р. Инсар. Вот как описывает Пизани этот уездный центр Пензенской губернии во время обратной дороги домой летом 1814 г.: «Саранск расположен в долине, охраняемой квадратным редутом, соединенным с оборонительной линией. Большая часть города расположена на возвышенности, остальные – чуть ниже: некоторые части города с кирпичной застройкой видны издалека от центра. В

городе 12 церквей. Одна из них, церковь Св. Ильи, рядом с монастырем. Чуть повыше городской ратуши находится довольно большая церковь, а ниже нее арочная галерея со множеством лавок, в которых выставлены скобяные изделия, промышленные товары, фаянс, хрусталь, пряности, краски, шкуры и другие мелкие вещи. 23 июля на площади продавали лук... Население этого уездного города 7 тысяч душ. За порядок в нем отвечает полицмейстер. Наш путь пролегал в Пензу, которая находилась в 117 верстах от Саранска»²¹.

Зарисовка Пензы²² представляет собой вид губернского города в направлении дороги от Саранска на север. Пизани сопровождает ее следующим описанием: «В Пензе, губернском городе, у нас было плохое жилье... Несмотря на сильный ветер, я захотел посмотреть город, который располагается на холме, а на склоне обращен к северу. В городе много кирпичных домов, с двумя или тремя симметрично построенными этажами, и различные церкви. Вдоль четырех главных, достаточно больших дорог размещены, с определенными интервалами, кирпичные и деревянные дома, с садами, где росли фруктовые деревья, и огородами. На дороге, называемой Московской, находится общественная гимназия, а на другом краю дороги несколько домов, где обжились из веротерпимости евреи, занимающиеся ремонтом часов и ювелирных изделий.

Дорога эта заканчивается на низкой равнине, где каждый день проходит рынок и можно купить необходимые продукты. Торговая площадь, на самом верху холма, окружена кирпичными домами, на первых этажах которых открыты лавки, а в подвалах – склады. Город не имеет никакого ограждения: его план очень прост – город поделен на три квадрата, границей которым служат четыре вышеупомянутые дороги. Слева от наиболее близкой к востоку дороги находится другая часть города, вся из деревянных домов и кирпичных церквей, которые имеют много позолоченных куполов.

Справа от дороги, на западной окраине, дома построены богатым господином, и там есть огромный лес, а также что-то наподобие пригорода с самыми обычными домами. У меня возникло желание нарисовать себе в дневник вид на этот город, и я отправился рано утром попросить об этом господина, у которого был двухэтажный дом с северной стороны и откуда открывался самый красивый вид. Несмотря на разные подозрения со стороны старушки, хозяин дома... проводил меня на второй этаж, оставил в полном покое, и спустя некоторое время даже принес мне чашку чая. У меня ушел час, чтобы нарисовать вид на город и, уходя, я рассыпался в комплиментах хозяину дома, который поддержал мою просьбу»²³.

На рисунке Пизани четко фиксируются четыре главные улицы Пензы: Троицкая (ныне ул. Кирова), Московская, Лекарская (ныне ул. Володар-

ского) и Дворянская (ныне ул. Красная). Справа от Дворянской улицы располагается большой лес. На рисунке изображены несколько пензенских храмов. На переднем плане видна церковь Святых апостолов Петра и Павла, построенная в 1797 г. благодаря «стараниям» пензенского купца М.П. Очкина и располагавшаяся в центре Базарной площади. Улица Московская на холме упирается в Спасский кафедральный собор, возведение которого закончилось лишь в 20-е годы XIX в. Левее его изображена Никольская церковь. Слева, ниже Троицкой улицы, видны Пензенский Троицкий женский монастырь и церковь Сошествия Святого Духа.

Рисунок Пензы, выполненный Пизани, и его воспоминания позволяют сравнить их с уже известными описаниями губернского центра, оставленными Ф.Ф. Вигелем, Х.-Л. Йелиным, Ф.Ю. Зоденом, Ф. фон Фуртенбахом и другими мемуаристами начала XIX в. Вот как, например, описывает Пензу Ф.Ф. Вигель: «...Пенза на горе возвышается гордо над смиренною Сурой. Сия речка, только при устье своем достойная названия реки, в одно только время года, и то самое короткое, бывает судоходна; она робко и медленно приближается к спесивой Пензе и, не смея коснуться подошвы ея, в двух или трех верстах от нее протекает... Некогда слобода, а со времен царствования Алексея Михайловича провинциальный город, Пенза состояла тогда из десятка не весьма больших деревянных господских хором и нескольких сотен обывательских домиков, из коих многие были крыты соломою и имели плетневые заборы. Соборная каменная церковь, которая величиною едва ли превосходила многие сельские храмы, с тех пор построенные, и несколько каменных и деревянных небольших приходских церквей служили единственным ей украшением... Двадцать лет спустя, когда при учреждении губерний, Пенза возвышена была на степень губернского города, в ней все переменялось. Правильные улицы, и из них иные мощные, украсились каменными двух- и трехэтажными домами и каменными лавками, а в них показались товары, кои прежде, хотя с трудом, можно было только выписывать из Москвы; явилась некоторая опрятность, некоторая бережливость, некоторый вкус – необходимые спутники просвещения»²⁴. Схожее описание Пензы содержится и в романе М.Н. Загоскина «Искуситель»: «Боже мой, что за дома! Каменные, раскрашенные разными красками, с лавками, балконами, с итальянскими окнами, в два и даже три этажа! Что шаг, то новое удивление: вот зеленый дом с красной кровлею и огромными белыми столбами; вот розовые палаты с палевыми обводами около окон; вот дом совершенно пестрый, на воротах – голубые львы с золотую гривую – какое великолепие!»²⁵

Таким образом, воспоминания и рисунок обер-лейтенанта вюртембергской линейной пехоты Х.-Л. Йелина и лейтенанта итальянской ар-

тиллерии Ф. Пизани, без сомнения, являются уникальным источником по истории Пензенской губернии начала XIX в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии // «Моя малая Родина»: Материалы междунар. науч.-практ. конф. Пенза, 2005. Вып. 2. С. 201–215; Миловидов Б.П., Хомченко С.Н. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Отечественная война 1812 года: Источники. Памятники. Проблемы: Материалы XIII Всерос. науч. конф. (Бородино, 5–7 сентября 2005 г.). М., 2006. С. 261–288.

² Белоусов С.В. Движение конвоев военнопленных армии Наполеона по территории Пензенской губернии в 1812–1814 гг. // Изв. высш. учеб. заведений: Поволж. регион. Гуманит. науки. 2015. № 1 (33). С. 14–25.

³ Государственный архив Пензенской области (далее – ГАПО). Ф. 5. Оп. 1. Д. 419. Л. 4–4об.

⁴ Белоусов С.В. Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии. С. 201–215; *Он же*. Пензенская губерния в эпоху Отечественной войны 1812 года: хроника событий. Пенза: ГУМНИЦ, 2012. С. 190, 198, 204, 208, 211, 222.

⁵ Зоден Ф.Ю. Воспоминания вюртембергского офицера о его пребывании в плену в Пензенской губернии / Подгот. публ., предисл., пер. и коммент. С.В. Белоусова. Пенза, 2006; Фуртенбах Ф., фон. Война против России и русский плен: Заметки обер-лейтенанта Фридриха фон Фуртенбаха 1812–1813 гг. / Подгот. публ., предисл. и коммент. С.В. Белоусова и С.Н. Хомченко; пер. с нем. А.А. Кузнецова. Пенза, 2008; Йелин Х.-Л. Достопамятные дни моей жизни: Поход и плен в России: Из дневника нем. офицера / Подгот. публ., предисл., пер. и коммент. С.В. Белоусова. Пенза, 2009.

⁶ Voyage d'un officier francais, prisonnier en Russie, sur les frontieres de cet empire, du cote de l'Asie. P., 1817; Белоусов С.В. Воспоминания врача 1-го класса польского 10-го гусарского полка Самуила Богуслава Пешке о его пребывании в Пензенской губернии // Центр и периферия. 2010. № 1. С. 30–31; Шенк К.Х.Л. Сообщения из жизни французского подполковника, содержащие историю его пленения в битве при Бородино в России 7-го сентября 1812 года, его перевозки к границам Азии, а также его пребывания и содержания там в качестве военнопленного в 1813 и 1814 годах (пер. Е.В. Ермасова, коммент. В.П. Тотфалушина) // Докл. Академии Воен. наук (Поволж. отделение). 2004. № 12. С. 84–101; Wedel C.A. Geschichte eines Officiers im Kriege gegen Russland 1812. В., 1897; Белоусов С.В. Пензенская губерния в воспоминаниях военнопленного итальянского офицера Ф. Баджи // Вестн. воен.-ист. исследований:

Междунар. сб. науч. тр. Пенза: ГУМНИЦ, 2010. Вып. 2. С. 36–42; *Он же*. Пензенская губерния первой четверти XIX в. в мемуарах сержанта наполеоновской армии Людвига Флека // Вестн. Моск. гос. гуманитар. ун-та им. М.А. Шолохова. Сер. История и политология. 2014. № 3. С. 105–110; *Он же*. Неизвестные рисунки Саранска и Пензы начала XIX в. военнопленного итальянского офицера Филиппо Пизани // Центр и периферия. 2015. № 2. С. 32–37.

⁷ *Белоусов С.В.* Военнопленные армии Наполеона в Пензенской губернии: источниковед. аспект // Изв. высш. учеб. заведений: Поволж. регион. Гуманит. науки. 2014. № 1 (29). С. 60–68.

⁸ *Yelin Ch.* In Russland 1812 aus dem Tagebuch des württembergischen Offiziers. München, 1910.

⁹ *Иелин, фон.* Записки офицера армии Наполеона. М., 1912.

¹⁰ *Merkwuerdige Tage meines Lebens: Feldzug und Kriegsgefangenschaft in Russland: Aus dem Tagebuch eines deutschen Offiziers.* Stuttgart, 1817.

¹¹ *Йелин Х.-Л.* Достопамятные дни моей жизни.

¹² Там же. С. 10.

¹³ Там же.

¹⁴ Там же. С. 20.

¹⁵ Там же. С. 11–12.

¹⁶ Там же. С. 21.

¹⁷ Там же. С. 13.

¹⁸ Там же. С. 15.

¹⁹ *Белоусов С.В.* Пензенская губерния в воспоминаниях военнопленного итальянского офицера Ф. Баджи. С. 36–42; *Zaghi C.* Filippo Pisani: Con Napoleone nella campagna di Russia. Varese; Milano, 1942. P. 934; In guerra con Napoleone: memorie di Filippo Pisani, Russia 1812. Chiari: Nordpress, 2006; *Бертолисси С.* Итальянский участник Русской кампании Наполеона: Воспоминания Филиппо Пизани // Эпоха 1812 года в судьбах России и Европы: Материалы Междунар. науч. конф. (Москва, 8–11 октября 2012 г.). М., 2013. С. 309.

²⁰ In guerra con Napoleone: memorie di Filippo Pisani, Russia 1812. P. 116–117.

²¹ Ibid.

²² Ibid. P. 118–119.

²³ Ibid.

²⁴ *Вигель Ф.Ф.* Записки: В 2 кн. М.: Захаров, 2003. Кн. 1. С. 21–22, 206.

²⁵ *Загоскин М.Н.* Аскольдова могила: Романы, повести. М.: Современник, 1989. С. 303.